

Русский Гуманитарный Интернет Университет

**БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

WWW.I-U.RU

Гиппенрейтер Ю.Б. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПРОЦЕССЫ

Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. М.: Изд-во МГУ, 1988, С. 65-67, 72-75, 76-77, 87-89, 90-93.

Все неосознаваемые процессы можно разбить на три больших класса:

- (1) *неосознаваемые механизмы сознательных действий;*
- (2) *неосознаваемые побудители сознательных действий;*
- (3) *"надсознательные" процессы.*

В первый класс – **неосознаваемых механизмов сознательных действий** – входят в свою очередь три различных подкласса:

- а) неосознаваемые автоматизмы;
- б) явления неосознаваемой установки;
- в) неосознаваемые сопровождения сознательных действий.

Рассмотрим каждый из названных подклассов.

Под неосознаваемыми автоматизмами подразумевают обычно действия или акты, которые совершаются "сами собой", без участия сознания. Иногда говорят о "механической работе", о работе, при которой "голова остается свободной". "Свободная голова" и означает отсутствие сознательного контроля.

Анализ автоматических процессов обнаруживает их двоякое происхождение. Некоторые из этих процессов никогда не осознавались, другие же прошли через сознание и перестали осознаваться.

Первые составляют группу *первичных автоматизмов*, вторые – группу *вторичных автоматизмов*. Первые называют иначе *автоматическими действиями*, вторые – *автоматизированными действиями*, или *навыками*.

В группу автоматических действий входят либо врожденные акты, либо те, которые формируются очень рано, часто в течение первого года жизни ребенка. Их примеры: сосательные движения, мигание, схватывание предметов, ходьба, конвергенция глаз и многие другие.

Группа автоматизированных действий, или навыков, особенно обширна и интересна. Благодаря формированию навыка достигается двоякий эффект: во-первых, действие начинает осуществляться быстро и точно; во-вторых, как уже говорилось, происходит высвобождение сознания, которое может быть направлено на освоение более сложного действия. Этот процесс имеет фундаментальное значение для жизни каждого индивида. Не будет большим преувеличением сказать, что он лежит в основе развития всех наших умений, знаний и способностей.

Рассмотрим какой-нибудь пример. Возьмем обучение игре на фортепиано. Если вы сами прошли через этот процесс или наблюдали, как он происходит, то знаете, что все начинается с освоения элементарных актов. Сначала нужно научиться правильно сидеть, ставить в правильное положение ноги, руки, пальцы на клавиатуре. Затем отрабатываются отдельно удары каждым пальцем, подъемы и опускания кисти и т. д. На этой самой элементарной основе строятся элементы собственно фортепианной техники: начинающий пианист учится "вести" мелодию, брать аккорды, играть стаккато и легато... И все это – лишь основа, которая необходима для того, чтобы рано или поздно перейти к выразительной игре, т. е. к задачам художественного исполнения.

Так, путем продвижения от простых действий к сложным, благодаря передаче на неосознаваемые уровни действий уже освоенных, человек приобретает мастерство. И в конце концов, выдающиеся пианисты достигают такого уровня, когда, по словам Гейне, "рояль исчезает, и нам открывается одна музыка".

Почему в исполнении мастеров-пианистов остается "одна музыка"? Потому, что они в совершенстве овладели пианистическими навыками.

Говоря об освобождении действий от сознательного контроля, конечно, не надо думать, что это освобождение абсолютно, т. е. что человек совсем не знает, что он делает. Это не так. Контроль, конечно, остается, но он осуществляется следующим интересным образом.

Поле сознания, как вы уже знаете, неоднородно: оно имеет фокус, периферию и, наконец, границу, за которой начинается область неосознаваемого. И вот эта неоднородная картина сознания как бы накладывается на иерархическую систему сложного действия. При этом самые высокие этажи системы – наиболее поздние и наиболее сложные компоненты действия – оказываются в фокусе сознания; следующие этажи попадают на периферию сознания; наконец, самые низкие и самые отработанные компоненты выходят за границу сознания.

Надо сказать, что **отношение** различных компонентов действий **к сознанию** нестабильно. В поле сознания происходит постоянное изменение содержаний: представленным в нем оказывается то один, то другой "слой" иерархической системы актов, составляющих данное действие.

Движение в одну сторону, повторим, это уход выученного компонента из фокуса сознания на его периферию и с периферии – за его границу, в область неосознаваемого. Движение в противоположную сторону означает возвращение каких-то компонентов навыка в сознание. Обычно оно происходит при возникновении трудностей или ошибок, при утомлении, эмоциональном напряжении. Это возвращение в сознание может быть и результатом произвольного намерения. Свойство любого компонента навыка вновь стать осознанным очень важно, поскольку оно обеспечивает гибкость навыка, возможность его дополнительного совершенствования или переделки.

Между прочим, этим свойством навыка отличаются от автоматических действий. Первичные автоматизмы не осознаются и не поддаются осознанию. Более того, попытки их осознать обычно расстраивают действие.

Это последнее обстоятельство отражено в хорошо известной притче о сороконожке. Сороконожку спросили: "Как ты узнаешь, какой из твоих сорока ног нужно сейчас сделать шаг?". Сороконожка глубоко задумалась – и не смогла двинуться с места!

<...> Спросим себя, а есть ли автоматические процессы в умственной сфере? Конечно, есть. Их так много, что сразу даже трудно выбрать какой-нибудь простой пример.

Лучше всего, наверное, обратиться к области математики. Именно там для нас наиболее очевиден процесс последовательного наслаения все более сложных действий, умений или знаний на автоматизированные предшествующие "слои". Уход более элементарных действий на неосознаваемый уровень сопровождается моментальным "усмотрением" того, что вначале требовало развернутого процесса мышления.

Рассмотрим такой алгебраический пример:

$$\frac{\left(1 + \frac{c}{a+b} + \frac{c^2}{(a+b)^2}\right) \cdot \left(1 - \frac{c^2}{(a+b)^2}\right)}{\left(1 - \frac{c^3}{(a+b)^3}\right) \cdot \left(1 + \frac{c}{a+b}\right)} = ?$$

Чему равно это выражение? Одним словом, в ответе – единица. Так? Так. А теперь посмотрим, на что опиралось решение. Оно опиралось на непосредственное "видение" того, что, например, в числителе имеется неполный квадрат суммы и разность квадратов, а в знаменателе – разность кубов; на знание их разложения; на моментальное использование правила сокращения одинаковых сомножителей в числителе и знаменателе; на знание того, что $1 - \frac{c^3}{(a+b)^3}$ – это и 12 и 13 , и т. д. Все эти "видения", "использования правил", "знания" – автоматизированные умственные действия, путь к которым состоял из многих и многих шагов, которые мы проделали, начиная с обучения в первом классе.

На этом мы заканчиваем знакомство с первым подклассом неосознаваемых механизмов и переходим ко второму – **явлениям неосознаваемой установки.**

Понятие "установка" заняло в психологии очень важное место, наверное, потому, что явления установки пронизывают практически все сферы психической жизни человека.

В советской психологии существует целое направление – грузинская школа психологов – которое разрабатывает проблему установки в очень широком масштабе. Грузинские психологи являются непосредственными учениками и последователями выдающегося советского психолога Дмитрия Николаевича Узнадзе (1886 – 1950), который создал теорию установки и организовал разработку этой проблемы силами большого коллектива.

Собственно теорию установки я с вами разбирать не буду: это большая и сложная тема. Ограничусь знакомством с явлениями неосознаваемой установки.

Прежде всего, что такое установка. По определению, это – готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или к реагированию в определенном направлении.

Замечу, что речь идет именно о готовности к предстоящему действию. Если навык относится к периоду осуществления действия, то установка – к периоду, который ему предшествует.

Фактов, демонстрирующих готовность, или предварительную настройку организма к действию, чрезвычайно много, и они очень разнообразны. Как я уже говорила, они относятся к разным сферам психической жизни индивида.

Например, ребенок задолго до годовалого возраста, пытаясь взять предмет, подстраивает кисть руки под его форму: если это маленькая крошечка, то он сближает и вытягивает пальцы, если это круглый предмет, он округляет и разводит пальцы и т. д. Подобные преднастройки позы руки иллюстрируют моторную установку.

Спринтер на старте находится в состоянии готовности к рывку – это тоже моторная установка.

Если вы сидите в темной комнате и со страхом ждете чего-то угрожающего, то иногда и в самом деле начинаете слышать шаги или подозрительные шорохи. Поговорка "у страха глаза велики" отражает явления перцептивной установки.

Когда вам дается какой-нибудь математический пример, выраженный в тригонометрических символах, то у вас создается установка решать его с помощью формул тригонометрии, хотя иногда это решение сводится к простым алгебраическим преобразованиям. Это пример умственной установки.

Состояние готовности, или установка, имеет очень важное функциональное значение. Субъект, подготовленный к определенному действию, имеет возможность осуществить его быстро и точно, т. е. более эффективно.

Но иногда механизмы установки вводят человека в заблуждение (пример необоснованного страха). Приведу вам еще один пример, на этот раз заимствуя его из древнекитайского литературного памятника.

"Пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор. Словом, каждый жест, каждое движение выдают в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать землю в долине и нашел свой топор. На другой же день посмотрел на сына соседа: ни жестом, ни движением не похож он на вора" (Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967, с.271).

Именно "ошибки установки", которые проявляются в ошибочных действиях, восприятиях или оценках, относятся к наиболее выразительным ее проявлениям и раньше всего привлекли внимание психологов.

Надо сказать, что не всякая установка неосознаваема. Можно сознательно ждать страшного – и действительно видеть страшное, можно осознанно подозревать человека в краже топора – и действительно видеть, что он ходит, "как укравший топор". Но наибольший интерес представляют проявления именно неосознаваемой установки. Именно с них и начались экспериментальные и теоретические исследования в школе Д. Н. Узнадзе (Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966).

Основные опыты, которые явились отправной точкой для дальнейшего развития концепции Д. Н. Узнадзе, проходили следующим образом. Испытуемому давали в руки два шара разного объема и просили оценить, в какой руке шар больше. Большой шар, предположим, давался в левую руку, меньший – в правую. Испытуемый правильно

оценивал объемы шаров, и проба повторялась: снова в левую руку давали больший шар, а в правую – меньший, и испытуемый снова правильно оценивал объемы. Снова повторялась проба, и так раз пятнадцать подряд (Повторение проб служило цели укрепления, или фиксации, установки, соответственно описываемые опыты получили название экспериментов с фиксированной установкой).

Наконец, в очередной, шестнадцатой, пробе неожиданно для испытуемого давались два одинаковых шара с той же самой инструкцией: "сравнить их объемы". И вот оказалось, что испытуемый в этой последней, контрольной пробе оценивал шары ошибочно: он воспринимал их снова как разные по объему. Зафиксировавшаяся установка на то, что в левую руку будет дан больший шар, определяла, или направляла, перцептивный процесс: испытуемые, как правило, говорили, что в левой руке шар меньше. Правда, иногда ответы были такие же, как и в установочных пробах, т. е. что в левой руке шар больше. Ошибки первого типа были названы контрастными иллюзиями установки, ошибки второго типа – ассимилятивными иллюзиями установки.

Д. Н. Узнадзе и его сотрудники подробно изучили условия возникновения иллюзий каждого типа, но я не буду на них сейчас останавливаться. Важно другое – убедиться, что установка в данном случае была действительно неосознаваемой.

Непосредственно это не очевидно. Более того, можно предположить, что в подготовительных пробах испытуемые вполне осознавали, что идут однотипные предъявления, и начинали сознательно ждать такой же пробы в очередной раз.

Предположение это абсолютно справедливо, и для того, чтобы его проверить, Д. Н. Узнадзе проводит контрольный эксперимент с гипнозом.

Испытуемого усыпляют и в состоянии гипноза проводят предварительные установочные пробы. Затем испытуемый пробуждается, но перед тем ему внушается, что он ничего не будет помнить. Вслед за пробуждением ему дается всего одна, контрольная, проба. И вот оказывается, что в ней испытуемый дает ошибочный ответ, хотя он не знает, что до того ему много раз предъявлялись шары разного размера. Установка у него образовалась и теперь проявилась типичным для нее образом.

Итак, описанными опытами было доказано, что процессы образования и действия установки изучаемого типа не осознаются.

Д. Н. Узнадзе, а за ним и его последователи придали принципиальное значение этим результатам. Они увидели в явлениях неосознаваемой установки свидетельство существования особой, "досознательной", формы психики. По их мнению, это ранняя (в генетическом и функциональном смысле) ступень развития любого сознательного процесса.

<...> Можно различным образом относиться к той или иной теоретической интерпретации явлений неосознаваемой установки, но безусловный факт состоит в том, что эти явления, как и рассмотренные выше автоматизмы, обнаруживают многоуровневую природу психических процессов.

Перейдем к третьему подклассу неосознаваемых механизмов – **неосознаваемым сопровождениям сознательных действий.**

Не все неосознаваемые компоненты действий имеют одинаковую функциональную нагрузку. Некоторые из них реализуют сознательные действия – и они отнесены к первому подклассу; другие подготавливают действия – и они описаны во втором подклассе.

Наконец, существуют неосознаваемые процессы, которые просто сопровождают действия, и они выделены нами в третий подкласс. Этих процессов большое количество, и они чрезвычайно, интересны для психологии. Приведу примеры.

Вам, наверное, приходилось наблюдать, как человек, орудуя ножницами, двигает челюстями в ритме этих движений. Что это за движения? Можно ли отнести их к двигательным навыкам? Нет, потому что движения челюстями не реализуют действие; они также никак не подготавливают его, они лишь сопровождают его.

Другой пример. Когда игрок на бильярде пускает шар мимо лузы, то часто он пытается "выправить" его движение вполне бесполезными движениями рук, корпуса или кия.

Студенты на экзаменах часто очень сильно зажимают ручку или ломают карандаш, когда их просят, например, нарисовать график, особенно если они в этом графике не очень уверены.

Человек, который смотрит на другого, порезавшего, например, палец, строит горестную гримасу, сопереживая ему, и совершенно этого не замечает.

Итак, в группу процессов третьего подкласса входят произвольные движения, тонические напряжения, мимика и пантомимика, а также большой класс вегетативных реакций, сопровождающих действия и состояния человека.

Многие из этих процессов, особенно вегетативные компоненты, составляют классический объект физиологии. Тем не менее, как я уже сказала, они чрезвычайно важны для психологии. Важность эта определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, обсуждаемые процессы включены в общение между людьми и представляют собой важнейшие дополнительные (наряду с речью) средства коммуникации.

Во-вторых, они могут быть использованы как объективные показатели различных психологических характеристик человека – его намерений, отношений, скрытых желаний, мыслей и т. д. Именно с расчетом на эти процессы в экспериментальной психологии ведется интенсивная разработка так называемых объективных индикаторов (или физиологических коррелятов) психических процессов и состояний.

Для пояснения обоих пунктов снова приведу примеры.

Первый пример будет развернутой иллюстрацией того, как можно произвольно и неосознаваемо передавать информацию другому лицу.

Речь пойдет о "таинственном" феномене "чтения мыслей" с помощью мышечного чувства. Вы, наверное, слышали о сеансах, которые дают некоторые лица с эстрады. Суть их искусства состоит в действительно уникальной способности воспринимать у другого лица так называемые идеомоторные акты, т. е. тончайшие мышечные напряжения и микродвижения, которые сопровождают усиленное представление какого-то действия.

Неосознаваемые побудители сознательных действий. <...> Таким образом, по Фрейду, психика шире, чем сознание. Скрытые знания – это тоже психические образования, но они неосознанны. Для их осознания, впрочем, нужно только усилить следы прошлых впечатлений.

Фрейд считает возможным поместить эти содержания в сферу, непосредственно примыкающую к сознанию (в предсознание), поскольку они при необходимости легко переводятся в сознание.

Что же касается области бессознательного, то она обладает совершенно другими свойствами.

Прежде всего, содержания этой области не осознаются не потому, что они слабы, как в случае с латентными знаниями. Нет, они сильны, и сила их проявляется в том, что они оказывают влияние на наши действия и состояния. Итак, первое отличительное свойство бессознательных представлений – это их действенность. Второе их свойство состоит в том, что они с трудом переходят в сознание. Объясняется это работой двух механизмов, которые постулирует Фрейд, – механизмов вытеснения и сопротивления.

По мнению З.Фрейда, психическая жизнь человека определяется его влечениями, главное из которых – сексуальное влечение (либидо). Оно существует уже у младенца, хотя в детстве оно проходит через ряд стадий и форм. Ввиду множества социальных запретов сексуальные переживания и связанные с ними представления вытесняются из сознания и живут в сфере бессознательного. Они имеют большой энергетический заряд, однако в сознание не пропускаются: сознание оказывает им сопротивление. Тем не менее, они прорываются в сознательную жизнь человека, принимая искаженную или символическую форму.

Фрейд выделил три основные формы проявления бессознательного: это сновидения, ошибочные действия (забывание вещей, намерений, имен; описки, оговорки и т. п.) и невротические симптомы.

Невротические симптомы были главными проявлениями, с которыми начал работать Фрейд. Вот один пример из его врачебной практики.

Молодая девушка заболела тяжелым неврозом после того, как, подойдя к постели умершей сестры, на мгновение подумала о своем шурине (муже сестры): "Теперь он свободен и сможет на мне жениться". Эта мысль была тут же ею вытеснена как совершенно неподобающая в данных обстоятельствах, и, заболев, девушка совершенно забыла всю сцену у постели сестры. Однако во время лечения она с большим трудом и волнением вспомнила ее, после чего наступило выздоровление.

Согласно представлениям З.Фрейда, невротические симптомы – это следы вытесненных травмирующих переживаний, которые образуют в сфере бессознательного сильно заряженный очаг и отсюда производят разрушительную работу. Очаг должен быть вскрыт и разряжен – и тогда невроз лишится своей причины.

Обратимся к случаям проявления неосознаваемых причин действий в обыденной жизни, которые в ранний период своей научной деятельности в большом количестве собрал и описал З. Фрейд (З. Фрейд. Психопатологии обыденной жизни // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М. 1978).

Далеко не всегда (и вы сейчас это увидите) в основе симптомов лежит подавленное сексуальное влечение. В повседневной жизни возникает много неприятных переживаний, которые не связаны с сексуальной сферой, и, тем не менее, они подавляются или вытесняются субъектом. Они также образуют аффективные очаги, которые "прорываются" в ошибочных действиях.

Вот несколько случаев из наблюдений З. Фрейда.

Первый относится к анализу "провала" его собственной памяти. Однажды Фрейд поспорил со своим знакомым по поводу того, сколько в хорошо известной им обоим дачной местности ресторанов: два или три? Знакомый утверждал, что три, а Фрейд – что два. Он назвал эти два и настаивал, что третьего нет. Однако этот третий ресторан все-таки был. Он имел то же название, что и имя одного коллеги Фрейда, с которым тот находился в натянутых отношениях.

Другой пример. Один знакомый Фрейда сдавал экзамен по философии (типа кандидатского минимума). Ему достался вопрос об учении Эпикура. Экзаменатор спросил, не знает ли он более поздних последователей Эпикура, на что экзаменуемый ответил: "Как же, Пьер Гассенди". Он назвал это имя потому, что два дня назад слышал в кафе разговор о Гассенди как об ученике Эпикура, хотя сам его работ не читал. Довольный экзаменатор спросил, откуда он знает это имя, и знакомый солгал, ответив, что специально интересовался работами этого философа.

После этого случаи имя П. Гассенди, по словам знакомого Фрейда, постоянно выпадало из его памяти: "По-видимому, виной тому моя совесть, – заметил он, – я и тогда не должен был знать этого имени, вот и сейчас постоянно его забываю" (З.Фрейд. Психопатологии обыденной жизни // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М. 1978. с. 112).

Следующий пример относится к оговоркам. З.Фрейд считал, что оговорки возникают не случайно: в них прорываются истинные (скрываемые) намерения и переживания человека.

Однажды председатель собрания, который по некоторым личным причинам не хотел, чтобы собрание состоялось, открывая его, произнес: "Разрешите считать наше собрание закрытым".

А вот пример ошибочного действия. Когда Фрейд был молодым практикующим врачом и ходил к больным на дом (а не они к нему), он заметил, что перед дверями некоторых квартир он, вместо того чтобы позвонить, доставал собственный ключ. Проанализировав свои переживания, он нашел, что это случалось у дверей тех больных, где он чувствовал себя "как дома" (З.Фрейд. Психопатологии обыденной жизни // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М. 1978. с. 147).

В психоанализе был разработан ряд методов выявления бессознательных аффективных комплексов. Главные из них – это **метод свободных ассоциаций** и **метод анализа сновидений**. Оба метода предполагают активную работу психоаналитика, заключающуюся в толковании непрерывно продуцируемых пациентом слов (метод свободных ассоциаций) или сновидений.

С той же целью используется уже частично знакомый вам ассоциативный эксперимент. Расскажу об этом методе более подробно, так как он наиболее простой.

Вы уже знаете, что в ассоциативном эксперименте испытуемому или пациенту предлагают быстро отвечать любым пришедшим в голову словом на предъявляемые слова. И вот оказывается, что после нескольких десятков проб в ответах испытуемого начинают появляться слова, связанные с его скрытыми переживаниями.

Если вы читали рассказ К. Чапека "Эксперимент доктора Роуса", то могли составить себе представление о том, как это все происходит.

Передам вам краткое содержание рассказа. В чешский городок приезжает американский профессор-психолог, чех по происхождению. Объявляется, что он продемонстрирует свое профессиональное мастерство. Собирается публика – знать города, журналисты и другие лица. Вводят преступника, который подозревается в убийстве. Профессор диктует ему слова, предлагая отвечать первым пришедшим в голову словом. Сначала преступник вообще не желает иметь с ним дело. Но потом игра "в слова" его увлекает, и он в нее втягивается. Профессор дает сначала нейтральные слова: пиво, улица, собака. Но постепенно он начинает включать слова, связанные с обстоятельствами преступления. Предлагается слово "кафе", ответ – "шоссе", дается слово "пятна", ответ – "мешок" (потом было выяснено, что пятна крови были вытерты мешком); на слово "спрятать" – ответ "зарыть", "лопата" – "яма", "яма" – "забор" и т. д.

Короче говоря, после сеанса по рекомендации профессора полицейские отправляются в некоторое место около забора, раскапывают яму и находят спрятанный труп (Чапек К. Рассказы. М., 1981).

У нас нет возможности разбирать далее теорию и технику психоанализа, равно как и его критику. Все это требует специального курса лекций. Моя цель была лишь познакомить вас с главным вкладом З.Фрейда – открытием им сферы динамического бессознательного и описанием форм его проявления.

Обратимся к третьему классу неосознаваемых процессов, которые я условно обозначила как **"надсознательные"** процессы. Если попытаться кратко их охарактеризовать, то можно сказать, что это процессы образования некоего интегрального продукта большой сознательной работы, который затем "вторгается" в сознательную жизнь человека и, как правило, радикально меняет ее течение.

Чтобы понять, о чем идет речь, представьте себе, что вы заняты решением проблемы, о которой думаете изо дня в день в течение длительного времени, исчисляемого неделями и даже месяцами или годами. Это жизненно важная проблема. Вы думаете над каким-то вопросом, или о каком-то лице, или над каким-то событием, которое не поняли до конца и которое вас почему-то очень затронуло, вызвало мучительные размышления, колебания, сомнения. Думая над вашей проблемой, вы перебираете и анализируете различные впечатления и события, высказываете предположения, проверяете их, спорите с собой и с другими. И вот в один прекрасный день все проясняется – как будто пелена падает с ваших глаз. Иногда это случается неожиданно и как бы само собой, иногда поводом оказывается еще одно рядовое впечатление, но это впечатление как последняя капля воды, переполнившая чашу. Вы вдруг приобретаете совершенно новый взгляд на предмет, и это уже не рядовой взгляд, не один из тех вариантов, которые вы перебирали ранее. Он качественно новый; он остается в вас и порой ведет к важному повороту в вашей жизни.

Таким образом, то, что вошло в ваше сознание, является действительно интегральным продуктом предшествовавшего процесса. Однако вы не имели четкого представления о ходе последнего. Вы знали только то, о чем думали и что переживали в каждый данный

момент или в ограниченный период времени. Весь же большой процесс, который по всем признакам происходил в вас, вами вовсе не прослеживался.

Почему же подобные процессы следует поместить вне сознания? Потому, что они отличаются от сознательных процессов, по крайней мере, в следующих двух важных отношениях.

Во-первых, субъект не знает того конечного итога, к которому приведет "надсознательный" процесс. Сознательные же процессы предполагают цель действия, т. е. ясное осознание результата, к которому субъект стремится. Во-вторых, неизвестен момент, когда "надсознательный" процесс закончится; часто он завершается внезапно, неожиданно для субъекта. Сознательные же действия, напротив, предполагают контроль за приближением к цели и приблизительную оценку момента, когда она будет достигнута.

Судя по феноменологическим описаниям, к обсуждаемому классу "надсознательных" процессов следует отнести процессы творческого мышления, процессы переживания большого горя или больших жизненных событий, кризисы чувств, личностные кризисы и т. п.

Одним из первых психологов, который обратил специальное внимание на эти процессы, был В. Джемс. Он собрал на этот счет массу ярких описаний, которые изложены в его книге "Многообразие религиозного опыта" (В. Джемс. Многообразие религиозного опыта. М., 1910). В качестве более поздних работ на эту тему (на русском языке) можно назвать небольшие статьи З.Фрейда (З. Фрейд. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты. М., 1984), Э. Линдемана (Линдеман Э. Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты. М., 1984), сравнительно недавно опубликованную книгу Ф.Е.Васильюка (Васильюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984) и др.

Приведу два развернутых примера, которые разбираются В. Джемсом. Первый пример Джемс заимствует у Л. Н. Толстого.

"Мне рассказывал С., – пишет Л. Н. Толстой, – умный и правдивый человек, как он перестал верить. Лет 26-ти уже, он, раз на ночлеге во время охоты, по старой, с детства принятой привычке, встал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: "А ты все еще делаешь это?" И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с того дня становиться на молитву и ходить в церковь... И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, было как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово было только указанием на то, что там, где он думает, что есть вера, давно пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их" (цит. по У. Джемс. Многообразие религиозного опыта. М., 1910, с. 167).

Заметьте, что с человеком, от лица которого ведется рассказ, случилось как раз то, что я описала в абстрактном примере: в один прекрасный день он обнаружил, что потерял веру; что его вера – как стена, которая уже не поддерживается ничем, и ее достаточно тронуть пальцем, чтобы она упала, в роли этого "пальца" и выступил равнодушный вопрос брата. Тем самым как бы подчеркивается, что не столько вопрос брата, сколько предшествующий процесс, не осознававшийся в полном объеме героем рассказа, подготовил его к этому решающему повороту.

Другой пример из Джемса относится к кризису чувства.

"В течение двух лет, – рассказывает один человек, – я переживал очень тяжелое состояние, от которого едва не сошел с ума. Я страстно влюбился в одну девушку, которая, несмотря на свою молодость, была отчаянной кокеткой... Я пылал любовью к ней и не мог думать ни о чем другом. Когда я оставался один, я вызывал воображением все очарование ее красоты и, сидя за работой, терял большую часть времени, вспоминая наши свидания и представляя будущие беседы. Она была хороша собой, весела, бойка. Обожание мое льстило ее тщеславию. Любопытнее всего, что в то время, как я добивался ее руки, я знал в глубине души, что она не создана быть моею женою, и что никогда она на это не согласится... И такое положение дел в соединении с ревностью к одному из ее поклонников расстраивало мои нервы и отнимало сон. Моя совесть возмущалась такой непростительной слабостью с моей стороны. И я едва не дошел до сумасшествия. Тем не менее, я не мог перестать любить ее.

Но замечательнее всего тот странный, внезапный, неожиданный и бесповоротный конец, которым все это завершилось. Я шел утром после завтрака на работу, по обыкновению полный мыслями о ней и о моей несчастной участи. Вдруг, как будто какая-то могущественная внешняя сила овладела мной, я быстро повернул назад и прибежал в мою комнату. Там я принялся немедленно уничтожать все, что хранил в память о ней: локоны, записочки, письма и фотоминиатюры на стекле. Из локонов и писем я сделал костер. Портреты раздавил каблуком с жестоким и радостным упоением мщения... И я так чувствовал себя, точно освободился от тяжкого бремени, от болезни. Это был конец. Я не говорил с ней больше, не писал ей, и ни одной мысли о любви не возбуждал во мне ее образ.

<...> В это счастливое утро я вернул к себе мою душу и никогда больше не попадался в эту ловушку" (У. Джемс. Многообразие религиозного опыта. М., 1910, с. 169).

В. Джемс, комментируя этот случай, подчеркивает слова: "как будто какая-то могущественная внешняя сила овладела мной". По его мнению, эта "сила" – результат некоторого "бессознательного" процесса, который шел вместе с сознательными переживаниями молодого человека.

В. Джемс не мог предвидеть, что термин "бессознательный" приобретет в результате появления психоанализа слишком специальный смысл. Поэтому, чтобы подчеркнуть совершенно особый тип впервые описанных им процессов, я использовала другой термин – "надсознательные". Он, как мне кажется, адекватно отражает их главную особенность: эти процессы происходят над сознанием в том смысле, что их содержание и временные масштабы крупнее всего того, что может вместить сознание; проходя через сознание отдельными своими участками, они как целое находятся за его пределами.

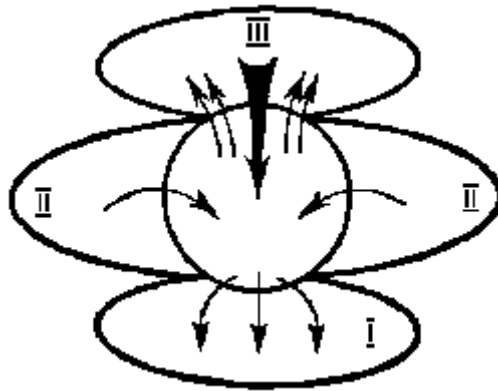

Рис. 1. Схема соотношений сознания и неосознаваемых процессов различных классов

Подведем итоги всему сказанному в последних двух лекциях. В свое время З.Фрейд сравнил человеческое сознание с айсбергом, который на девять десятых погружен в море бессознательного. Вы знаете, что под бессознательным Фрейд имел в виду вытесненные желания, влечения, переживания. Рассмотрение всей темы "Неосознаваемые процессы" приводит к выводу, что, если сознание и окружено "водами" бессознательного, то состав этих "вод" гораздо более разнообразен.

В самом деле, попробуем изобразить человеческое сознание в виде острова, погруженного в море неосознаваемых процессов (рис.1). Внизу следует поместить неосознаваемые механизмы сознательных действий (I). Это – технические исполнители, или "чернорабочие", сознания. Многие из них образуются путем передачи функций сознания на неосознаваемые уровни.

Наравне с процессами сознания можно поместить неосознаваемые побудители сознательных действий (II). Они имеют тот же ранг, что и осознаваемые побудители, только обладают другими качествами: они вытеснены из сознания, эмоционально заряжены и время от времени прорываются в сознание в особой символической форме.

И наконец, процессы "надсознания" (III). Они развертываются в форме работы сознания, длительной и напряженной. Результатом ее является некий интегральный итог, который возвращается в сознание в виде новой творческой идеи, нового отношения или чувства, новой жизненной установки, меняя дальнейшее течение сознания.